

специфический смысл алхимического символизма. Только цвет может сочленишь как будто разрозненные алхимические пары (вещь-символ) в целостную картину мира. И все-таки двойственная природа алхимического цвета в реальной жизни обозначает, акцентирует то одну, то другую сторону своей же двойственной природы. И вот тогда алхимический мир то распадается на отдельные микромиры, то вновь соединяется в калейдоскопическое целое. То вдруг многоцветная лоскутная реальность, то вновь единая черно-белая метафизика. Обретенный вселенский порядок уступает место вселенскому беспорядку. И наоборот. Алхимический конструктивизм расшатывает неукоснительность официального средневековья, хотя образ интеллектуальной жизни адепта становится все более косным и незыблемым в статической своей карикатурности.

ХОРОШО БЫ теперь сопоставить цвет в алхимии с переживанием цветовых ощущений в неалхимическом средневековье.

Для этого лучше всего взять *Дантову «Божественную комедию»* — грандиозную метафору интеллектуального средневековья. В поэме представлено два типа цветовых ощущений: цвета ахроматического ряда начинаются *черным* и завершаются *белым* цветом (точнее, *светом*). *Белый свет* — источник полихроматического многообразия радуги. Радужное многоцветие *Ада* тождественно греховной фантазмагории лжи, мздоимства и прочих смертных грехов:

*Две лапы волосатых и когтистых;
Спина его, и брюхо, и бока —
В узоре пятен и узлов цветистых.
Пестрей основы и пестрей утка
Ни турок, ни татарин не сплетает;
Хитрей Арахна не ткала платка
(Ад, XVII, 13—18).*

Таков *Герион* — «образ омерзительный обмана», мозаикой цветов *ириса* обозначивший ложь.

Ощущение хаоса порочного мира нарастает по мере умножения цветовой гаммы. Об обитателях *Герионова седьмого и восьмого кругов Данте* сообщает:

*У каждого на грудь мощна свисала,
Имевшая особый знак и цвет,
И очи им как будто услаждала.
Так, на одном я увидал кисет,
Где в желтом поле был рисунок синий,
Подобный льву, вздыбившему хребет.
А на другом из мучимых пустыней
Мешочек был подобно крови ал
И с белою, как молоко, гусыней
(Ад, XVII, 55—63).*